

● ХОЗЯЙКА ГОСТИНИЦЫ ●

НАТАЛИ ДОУСОН

ЗАЛ ФЕЙ

Москва
2019

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Д71

Natalie Dawson
THE FAIRY ROOM
Copyright © Natalie Dawson
All rights reserved

Литературная обработка *Натальи Косаревой*

Художественное оформление серии и иллюстрация
на переплете *Анастасии Ивановой*

Доусон, Натали.

Д71 Зал фей / Натали Доусон ; [лит. обраб. Н. Косаревой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 288 с.

ISBN 978-5-04-101747-7

Отправившись из Лондона в Бат, вы непременно остановитесь в Кромберри, старом городе на реке. Здесь доживает в приюте свои годы нянька погибшей при странных обстоятельствах миссис Дримлейн, составляет сети в водах Крома браконьер Подрик Плам и судья Хоуксли расследует дело о страшных убийствах юных девушек. Здесь каждый рискует оказаться под подозрением, ведь у убийцы могут быть десятки масок, сотни обликов, которые он меняет так же легко, как горничная — увядшие букеты в вазах...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Косарева Н., литературная
обработка, 2019

© Оформление.ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-101747-7

Глава 1

Не подлежит сомнению истина: чтобы началась одна история, другая должна закончиться. Эта история начинается с последнего выхода на сцену миссис Фолбрайт, по совести говоря, на редкость неприятной, сварливой и жадной старушки. К счастью, в нашем повествовании эта почтенная дама появляется уже после своей неожиданной кончины, лежащая молча, как ей и полагается, в неприлично роскошном гробу, — ее внук и единственный наследник расстарался.

Достоинства последнего пристанища миссис Фолбрайт громким шепотом обсуждали две ее ближайшие подруги, пока викарий, ежась под холодным ноябрьским дождем, с трудом выдавливал из себя добрые слова в адрес покойницы.

— Кистей могло бы быть и поменьше, — ворчала сухопарая дама в порыжевшем черном плаще — его надевала на похороны еще ее давно почившая матушка.

— Вот именно, как будто мы хороним епископа! — Низенькая толстушка едва могла сдержать завистливый вздох. — Впрочем, чего еще можно ожидать от Бартоломью? Уж поверьте, он растрани-

жирит все свое наследство за каких-нибудь полгода, а то и меньше!

— Полагаю, ему хватит и трех месяцев, — кивнула подруга и неодобрительно взглянула на викария — пора бы уже заканчивать церемонию, пока кто-нибудь не подхватил простуду и не последовал за миссис Фолбрайт. — Дорогая Пейшенс откладывала каждый пенни.

— И могла бы отложить еще, если бы ее труды не были так внезапно прерваны, — многозначительно заметила полная дама.

— Да, смерть порой бывает внезапна, даже, осмелюсь сказать, чересчур внезапна, — вторая леди зябко передернула костлявыми плечами.

— Говорят, доктор Хаддон сделал все, что мог...

Тон толстюшки явно противоречил ее словам, и тощая дама несколько раз энергично кивнула, так, что капюшон сполз ей на плечи, подставив дождю редкие седые букли.

— Вот только нам с вами никогда не узнать, так ли это, — заявила она, почти не понижая голос. — Болтают, что доктор Хаддон уже не проявляет такого внимания к пациентам, как в прежние годы, когда он только начал практику и должен был заслужить свою репутацию. И слишком часто доверял смешивание лекарств своему ученику, этому бестолковому Чарли! Мы уже говорили об этом третьего дня с миссис Хилл: кто знает, что он там намешал для миссис Фолбрайт, и не благодаря ли его средству Бартоломью может теперь позволить себе выпивать и играть в карты больше прежнего! Не зря же доктор Хаддон пообещал ей изготовить новое лекарство, да так и не успел это сделать...

Викарий, наконец, уgomонился, и могильщики резво принялись опускать гроб в раскисшую землю. Прихожане оживились, предвкушая скорое окончание церемонии и поминальный завтрак, от которого ожидали обилия, соответствующего роскоши заказанного Бартоломью гроба.

И только стоявшие за спиной старых сплетниц две дамы в темных накидках и одинаковых шляпках с вуалью не торопились вслед за остальными.

— Теперь ты видишь, что натворила! — прошипела одна из них, резко стряхивая капли с зонтика. — Репутация твоего отца почти погублена, пациенты могут отказаться от его услуг, и все из-за твоей глупости! Неужели ты все еще веришь, что Бартоломью женится на тебе теперь, когда у него недостаточно денег, чтобы уехать в Лондон и выбрать себе в жены настоящую леди?

Вторая дама, вернее, чуть полноватая девушка лет семнадцати, чье расстроенное личико надежно скрывала вуаль, жалобно шмыгнула носом.

— Я не думала, что все так случится, матушка! И отец уже простил меня! Вы же не считаете, что болтовня этих старых ведьм имеет какое-нибудь значение для пациентов отца, которые знают и уважают его уже двадцать лет?

— Простил! Да отец простит тебя, даже если ему придется просить милостыню из-за твоей... твоей... — Возмущенная миссис Хаддон не могла подобрать слов, чтобы описать преступления своей дочери, и даже не заметила, что Кэтрин ко всем своим прегрешениям еще и назвала старыми ведьмами самых что ни на есть почтенных дам Стоунфолла.

К счастью для мисс Хаддон, договорить ей не дал сам доктор Хаддон, опоздавший на прощание с одной из самых щедрых своих пациенток из-за срочного вызова в гостиницу «Гусь и пони». Одна из служанок глубоко порезала руку стеклом, выпавшим из старинного буфета.

— Наконец-то вы здесь! — Миссис Хаддон потянула супруга за рукав, побуждая его оторвать взгляд от неровного холмика, под которым нашла свой приют миссис Фолбрайт. — Идемте же, вам надо показаться на людях и изобразить подобающую скорбь, но ни в коем случае не чувство вины! Мы должны сделать все возможное, чтобы показать, с каким усердием вы пытались облегчить недуг бедной старушки!

Доктор Хаддон только слегка махнул рукой с зажатым в ней небольшим саквояжем в сторону гордо проплывающих впереди траурной процессии подруг миссис Фолбрайт.

— Полагаю, это бесполезно, дорогая. Судьи уже вынесли свой приговор, нам остается лишь смиренно покориться и с достоинством принять тяжкую участь рабов на сахарных плантациях. Если, конечно, нам не придет охота поднять пиратский флаг и грабить суда всех величеств без разбору. — Тучный доктор Хаддон с неожиданной резвостью обернулся и подмигнул дочери.

Кэтрин хихикнула и тут же прикусила губу, радуясь, что под густой вуалью мать не сможет разглядеть выражение ее лица.

— Что ж, если вам даже во время траурной церемонии никак нельзя обойтись без своих нелепых шуток, не говорите после, что это из-за моего дурно-

го воспитания ваша дочь останется старой девой! — Миссис Хаддон решительно зашагала вперед и скоро догнала прихрамывающую супругу викария, которую заботливо подхватила под руку, хотя на самом деле терпеть не могла старую сплетницу.

— Уверен, вы прекрасно воспитали всех наших детей, моя дорогая, — пробормотал вслед супруге доктор Хаддон, но его улыбка стала грустной. — Идем, Кэтрин, не стоит заставлять твою матушку сердиться больше, чем может позволить себе ее желчный пузырь.

Кэтрин порадовалась, что мать не слышит этих слов, обсуждение подобных материй доктору Хаддону было строго запрещено даже в стенах собственного дома, за исключением приемной, не говоря уж о людных местах.

Девушка оперлась на руку отца, и они вместе поспешили за удаляющейся процессией, начало которой уже вытекло с кладбища и устремило свои жидкие воды в сторону дома миссис Фолбрайт.

Вымученные шутки отца ненадолго развеселили мисс Хаддон. Где угодно сейчас хотела бы оказаться Кэтрин, в ледяной пустыне или в чаще леса, полной ухмыляющих фейри, лишь бы не в душной, заставленной тяжеловесной мебелью гостиной миссис Фолбрайт.

Чувствовать на себе неодобрительные взгляды старых сплетниц и молодых завистниц — это она еще смогла бы вынести, но только не насмешливый взгляд Бартоломью. А в том, что этот взгляд будет именно насмешливым, Кэтрин не сомневалась.

Стоило ли спорить с матерью, когда миссис Хаддон упрекала ее в глупости? В самом деле, как же

она была глупа! Должно быть, все здравомыслие в семье Хаддонов досталось старшим детям.

Маргарет удачно вышла замуж четыре года назад, и с тех пор все ее письма родным были наполнены описаниями чаепитий в изысканном доме ее свекрови и проделками маленького Уолтера. Джонатан благодаря своим выдающимся успехам в учении уже получил приход и женился на самой некрасивой из своих прихожанок, чем, без преувеличения, осчастливил ее отца, владевшего гостиницами в трех городках графства. С тех самых пор преподобный Хаддон все чаще поручал проповедовать и заниматься благотворительностью своему помощнику, а сам проводил время на морских курортах, заводя светские знакомства с легкостью образованного человека, умеющего поддерживать остроумную беседу. То, что он порой забывал в гостях жену, словно трость или зонтик, никто из новых знакомых не поставил бы ему в упрек, а что думала бедная Эммелина, их не интересовало.

Доктор Хаддон, привыкший возделывать свою ниву денно и ночью, не одобрял образ жизни сына, но привычно гордился им, как и высоким положением, которое получила Маргарет благодаря замужеству.

После того как с родителями осталась одна лишь Кэтрин, Хаддон не спешил поощрять попытки супруги найти дочери мужа. И дело было не столько в юном возрасте Кэти, сколько в нежелании доктора проводить вечера, свободные от вызовов к больным, вдвоем с женой.

Пока Кэтрин была с матерью, доктор Хаддон мог использовать часы досуга, как ему заблагорас-

судится. Миссис Хаддон любила устраивать у себя чаепития для своих подруг из благотворительного общества, а несколько своеобразное чувство юмора доктора обычно доводило почтенных дам до желудочных расстройств. Чаще всего ему же и приходилось потом лечить эти расстройства, и помощник доктора, Чарли Баттенхейм, однажды поплатился недельным обедом за то, что пошутил на этот счет. «В самом деле, — заявил Чарли, — когда нашему доктору будет не хватать больных, способных оплатить лечение, он сумеет создать их сам. Это ли не чудо творения? Воскресить, убить и воскресить снова!»

Кэтрин тогда хохотала так, что едва не начала заикаться, но миссис Хаддон, чей слух способен был вызвать зависть даже у кошки, за три квартала слышавшей приближение тележки молочника, пришла в ярость.

Чарли тотчас был сурово наказан, да и Кэтрин едва не лишилась обещанной поездки в Брайтон, где доктор Хаддон обычно проводил первую неделю июля вместе с семьей, оставляя трепещущих пациентов в давно уже нечутких руках старого доктора Торнеби, ушедшего на покой еще до рождения старшей мисс Хаддон.

Глава 2

Сейчас Кэтрин чинно сидела на жестком стуле в самом затененном углу комнаты и вспоминала эти слова Чарли. Где-то он теперь? После случившегося доктор Хаддон отказался держать у се-

бя Баттенхейма в качестве помощника, и мысли о бедном Чарли, которым пришлось пожертвовать ради блага ее семьи, отравляли едва ли не каждый час в жизни Кэтрин.

Почему, почему в самом деле нельзя воскресить миссис Фолбрайт? Если бы существовали такие способы, такие лекарства, Кэтрин не пожалела бы ни единого пенни из своего небогатого приданого, чтобы вернуть в этот мир старую скрягу.

Мисс Хаддон осторожно покосилась в сторону Бартоломью. Гадкий лицемер с видом самой что ни на есть настоящей утраты печально покачивал головой в ответ на бесконечные повторения сочувственных речей, столь же неискренних, как и его горе.

В том, что Бартоломью не поможет ей теперь, Кэтрин не сомневалась. Во всех их детских играх юный Фолбрайт выигрывал за счет ловкости и обмана, а не потому, что другие дети были менее сообразительными. Сестрам Хаддон позволялось играть с Бартоломью, пока их мать и миссис Фолбрайт обсуждали последние сплетни и старые рецепты, но Маргарет всегда была слишком скучной, чтобы придумать что-нибудь интересное. К тому же она, как и другие ее ровесницы, была по уши влюблена в обаятельного хитреца, что делало ее бесполезной в компании проказников. Кэтрин, тогда еще слишком маленькая, чтобы пережить первую детскую влюбленность, удостоилась дружбы Бартоломью за свою смелость и умение лазать по деревьям не хуже мальчишек. Кроме того, эта мисс Хаддон рисовала лучше всех юных леди Стоунфолла, включая тех, кто уже успел найти себе жениха.

Альбом Кэтрин покрывали карикатурные изображения соседок, их мужей, детей и даже собак, обычно походивших на своих хозяев вытянутой челюстью, визгливым лаем или неутомимым стремлением совать нос в чужие дела. Мисс Хаддон показывала заветный альбом только близким друзьям, ее мать навсегда отобрала бы у нее бумагу и карандаши, если бы увидела хотя бы один из рисунков. К примеру, портрет той же миссис Фолбрайт, держащей в руках голову Медузы Горгоны. Лицо несчастной Медузы, в котором безошибочно угадывались черты супруги викария, было искажено от ужаса, змеи в волосах отпрянули назад, насколько можно, но миссис Фолбрайт с победным ликованием потрясала перед носом своей жертвы указательным пальцем, очевидно, читая той очередную нотацию о том, как надлежит выглядеть настоящей леди.

Бартоломью чуть ли не на коленях умолял Кэтрин подарить ему этот портрет, чтобы повесить в своей комнате, но мисс Хаддон держалась стойко.

— Когда я стану знаменитой художницей, подобно мисс Уотлингер, я продам тебе портрет твоей бабушки за двести или даже за пятьсот фунтов. Но не раньше! — Кэти не представляла, сколько могут стоить картины мисс Уотлингер, но тогда пятьсот фунтов казались ей баснословной суммой.

Если бы она могла получить хотя бы треть этих денег! Да даже четверть! Последние четыре года мисс Хаддон лелеяла свою заветную мечту и даже осмелилась однажды попросить у отца выдать ей часть ее приданого, чтобы эту мечту исполнить. Увы, доктор Хаддон, от которого, при его-то профессии, можно было ожидать определенной широ-

ты взглядов, и слышать не захотел о желании своей дочери.

— Уехать в Лондон, чтобы учиться живописи! Да после такого позора твоя мать не осмелится показать из дома даже кончик своего носа! У всех вас был вполне приемлемый учитель, он научил тебя держать карандаш и кисть, а дальше ты можешь развивать свое дарование, сколько тебе угодно. Хотя, признаться, язвительные шаржи на наших соседей еще не говорят о том, что ты талантлива.

Конечно, доктор Хаддон видел кое-какие страницы в альбоме дочери, Кэтрин сама иногда показывала ему свои наброски, чтобы развеселить отца после тяжелого дня. И вот ее доброта обернулась против нее самой!

Мисс Хаддон попыталась заговорить о растущей славе мисс Уотлингер, но доктор Хаддон прервал разговор, сославшись на недостаток времени. А Кэтрин-то надеялась, что он поддержит ее в неизбежном сражении с матерью! Увы, похоже, ей придется на всю жизнь остаться недоучкой, марящей бумагу как придется, когда другие женщины уже протискиваются между плотно сдвинутыми мужскими плечами, стремясь сделать карьеру на поприщах, сотни лет до того считавшихся уделом мужчин. И некоторым удавалось достичь успеха! Но среди этих женщин не будет мисс Хаддон. Ее имя не украсит собой художественные галереи, не появится в газетах, не будет вызывать восхищение и зависть у других девушек, побоявшихся бросить вызов условностям.

«Лучше бы они отпустили меня тогда, весной, — думала теперь Кэтрин с каким-то мсти-

тельным чувством, вызывавшим у нее одновременно удовлетворение и стыд. — Сейчас миссис Фолбрайт принимала бы у себя лишь нескольких приближенных, закоренелых сплетниц, а Бартоломео еще лет десять пришлось бы дожидаться своего наследства! И, конечно, отец не страдал бы от того, что у него уменьшилось количество пациентов, а матушке не нужно было заискивать перед женой викария! А бедный, бедный Чарли! И я, боже мой, я не была бы такой несчастной!»

Мисс Хаддон поняла, что вот-вот расплачется, и стиснула кулачки, чтобы сдержать слезы. Почти сразу она вспомнила о дыхательных упражнениях, которым учил ее отец, и постаралась успокоиться, пока ее затравленный вид не привлек внимания находящихся в комнате людей. И без того она уже слышала свое имя, громким шепотом произносимое поочередно теми самыми дамами, которые позволили себе прямо на кладбище нелестные высказывания о докторе Хаддоне.

Ну, конечно, они, как и ее собственная мать, уверены в том, что Бартоломео ухаживал за ней только ради того, чтобы доктор Хаддон свел в могилу его единственную родственницу, чье крепкое здоровье не позволяло ему надеяться в ближайшие годы стать полноправным владельцем Фолбрайтлодж. Тот факт, что доктор Хаддон уволил своего помощника, только подогрел котелок, в котором, тесно прижатые друг к другу, кипели местные сплетни. Что ж, если так, выходит, что Кэтрин соблазнила Чарли Баттенхейма, и, обманутый ее мнимыми добродетелями, юноша совершил преступление, подмешав отраву в лекарство миссис